

Лицо Фэн Чанхая перекоилось. Он тут же бросил взгляд к ногам своей законной жены, проигнорировав её окровавленный рот и всё тело, сотрясаемое от боли, и уставился на две кучки нефритовых осколков возле ступней госпожи Сунь.

Та, что слева — та самая подвеска, что ударила госпожу Сунь по лицу, — кроме превосходного качества и высокой цены, ничем особенным не выделялась. Но правая... та, что угодила в пальцы госпожи Сунь... эта подвеска!

Глаза Фэн Чанхая готовы были вылезти из орбит.

Как глава округа, он не мог не знать! Даже если бы это был просто обычный императорский дар, случайная порча получателем уже считалась тяжким преступлением. А эта подвеска и вовсе не могла быть простым подношением!

Чёрт возьми, это же была нефритовая подвеска-символ, которую имели право носить лишь принцессы династии Дажун, вписанные в нефритовые реестры, — знак их статуса!

Такие вещи находились под строжайшим контролем двора, подделка была немыслима.

На одном из осколков этой подвески был чётко вырезан иероглиф «Семь».

В голове у Фэн Чанхая всё померкло.

Значит... эта девочка, находящаяся с ним в одном зале... была самой что ни на есть Седьмой принцессой Янь Лян!

Сведения о Седьмой принцессе, которыми располагал Фэн Чанхай, были куда подробнее, чем у Фэн Яоя, и немногим уступали тем, что Гу Пиньтин рассказывала Му Цинмянь. Поэтому он отлично понимал: эта недавно появившаяся принцесса, внезапно снискавшая милость императора, сулила великое будущее!

Яблоко от яблони недалеко падает. Фэн Жунжун была высокомерна, а Фэн Чанхай лишь лучше скрывал это, сохраняя внешнее спокойствие. Что значил захолустный Тунчжоу? Жалкий клочок бесплодной земли! Фэн Чанхай изо всех сил мечтал пробиться в столицу — даже если не удастся примкнуть к какому-нибудь принцу, благосклонность принцессы уже могла вознести его семью на вершину!

И сегодня этот шанс, казалось, лежал у его ног...

Фэн Чанхай повернул слегка одеревеневшую шею и робко, заискивающе посмотрел на Янь Лян.

Та по-прежнему смотрела на него с той же улыбкой.

Фэн Чанхай...

Он с трудом сглотнул.

...Эта Седьмая принцесса явно была не из простых.

Неважно, как и почему, но в итоге её нефритовый символ оказался разбит у ног госпожи Сунь.

Даже если двор не станет заводить особого дела, его должность начальника округа Тунчжоу можно было считать потерянной, а всю третью ветвь семьи Фэн — обречённой на изгнание в

простолюдины.

А уж если двор, пусть малейшим образом, да проявит интерес — что там третья ветвь, весь род Фэн будет стёрт с лица земли!

Поэтому Фэн Чанхай знал: от того, как он себя поведёт дальше, зависит всё.

Речь шла не об успехе или провале. На кону стояла жизнь!

Пока Фэн Чанхай с величайшей осторожностью подбирал слова для извинения перед Янь Лян, Фэн Жунжун вдруг выпалила первой:

— Отец! Отец, взгляните на Жунжун! До чего меня довела Фэн Яояо? Вы должны за меня заступиться!

Перед отцом Фэн Жунжун не позволяла себе той развязности, что перед матерью. Она уже не осмеливалась называть Фэн Яояо «стервой», и тон её был не высокомерным, а полным обиды и жалости.

Так она обычно и действовала. Затем, с трудом подняв руку, она указала на Янь Лян, и взгляд её наполнился лютой ненавистью:

— И эта нищенка! Она с Фэн Яояо заодно, они пришли, чтобы поиздеваться над нашим домом Фэн!

Фэн Яояо: «...?!»

Ничего себе, пятая сестрица, надо же иметь смелость в такой момент говорить такое!

Фэн Яояо была потрясена самоотверженностью своей сводной сестры в деле самоуничтожения.

Этой фразой Фэн Жунжун возвела действия Янь Лян против госпожи Сунь и себя на уровень оскорбления всего дома Фэн. Она знала отца — тот превыше всего ценил лицо. Так она нарочно заставляла его почувствовать унижение, чтобы он жестоко наказал Фэн Яояо и Янь Лян.

— Какая ещё принцесса, какой император?! — продолжала вопить Фэн Жунжун. — Какая-то вылезшая из сточной канавы нищенка, да ещё и помешавшаяся, осмелилась выдавать себя за принцессу!

Да, в то, что Янь Лян — принцесса, Фэн Жунжун не верила ни на йоту.

По её понятиям, дворцовые принцессы должны были сверкать золотом и яшмой, и даже волосинки у них должны быть золотыми. Разве могла принцесса выглядеть как эта оборванка?

Да это же нищенка! На неё и смотреть-то было оскорбительно!

— Отец! — закричала Фэн Жунжун из последних сил. — Отец, вы же видите! Вы должны заступиться за Жунжун...

Последние слова «заступиться за» так и не сорвались с её губ — саму Фэн Жунжун пнул в живот тот, к кому она взывала, её родной отец. Из её рта хлынула кровь.

— Этот чиновник заслуживает смерти! — побледневший Фэн Чанхай рухнул на колени перед Янь Лян, ударившись лбом о твёрдый пол. — Седьмая принцесса, простите! Виноват я,

воспитавший такую своевольную и неисправимую дочь! Она не ведаёт, что творит, оскорбила ваше высочество! Если принцесса соизволит, она в вашей власти!

Разве Седьмая принцесса не велела ему сразу встать на колени? Так нужно было поторопиться!

Весь зал напоминал котёл, готовый вот-вот закипеть. Снаружи царили гробовая тишина и неподвижность, но в душе у каждого бушевали волны, способные сокрушить последние остатки разума.

Кто из присутствующих когда-либо видел, чтобы Фэн Чанхай так трепетал и падал ниц перед кем-либо?

Даже кланяясь старшим в роду, он сохранял почтительное достоинство, а не валялся в пыли, как сегодня!

Госпожа Сунь, как хозяйка дома, сообразила быстрее всех.

И как бы она хотела не соображать!

Потому что, осознав, она ясно поняла скрытый смысл слов мужа: Фэн Чанхай подтвердил, что эта девочка, которую она только что обозвала «собачьим отродьем», и есть Седьмая принцесса!

Пережив столько потрясений за короткое время, госпожа Сунь закатила глаза и потеряла сознание.

Кроме её кормилицы, которая инстинктивно вскрикнула «Госпожа!» и подхватила её, никто из семьи Фэн не осмелился пошевелинуться — все, как один, опустились на колени вслед за Фэн Чанхаем.

О, было одно исключение — как и следовало ожидать, Фэн Жунжун.

Выплюнув кровь, она, казалось, наконец-то очнулась от ослеплявшей её ярости. Прижимая руку к животу, она бросала растерянные взгляды то на Фэн Чанхая, то на Янь Лян, то на Фэн Яояо, и снова на отца.

— Отец... отец?! — прошептала она еле слышно, глаза её налились кровью. — Отец, что вы говорите?! Это Седьмая принцесса?! Фэн Яояо... она примазалась к принцессе?!

Фэн Жунжун, чей мир никогда не выходил за пределы внутренних покоев дома Фэн в Тунчжоу, даже сейчас думала лишь о том, что её ненавистная сводная сестра опередила её, примкнув к столь высокопоставленной особе.

Фэн Чанхай...

Его чуть не хватил удар от злости на родную дочь.

Раньше он считал Фэн Жунжун просто избалованной и своенравной. Но ведь она была его родной дочерью, так что разве это было важно?